УДК 316.7 DOI: 10.22394/2071-2367-2018-13-1-49-58

«ОБРАЗ ДРУГОГО» ДЛЯ СЕЛЬСКОГО ЖИТЕЛЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Полуцыган А.А.[1]

В статье рассматривается «образ другого» для сельских жителей современной России как часть их ценностно–смыслового мира. Выявлены типы «другого» для сельских жителей (внешний и внутренний) в зависимости от степени «включенности» в жизнь местного сообщества. При этом «внешний другой» может быть выявлен по этническому признаку, который выступает особо значимым фактором локальной социокультурной динамики, особенно в ситуации нарастания миграционных процессов. «Образ другого» формируется и в зависимости от места жительства человека. Для сельского жителя таким «другим» выступает горожанин. Степень дистанции с горожанами, как «другими», зависит от удаленности села от городских центров и столицы. «Внутренний другой» рассматривается с возрастных позиций, а также по способу передачи знаний и информации.

Ключевые слова: российское село, «образ другого», «внутренний другой», «внешний другой», сельские жители.

«THE IMAGE OF THE OTHER» FOR A RURAL RESIDENT OF MODERN RUSSIA

POLYTSYGAN A.A. – Postgraduate student of the Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University (Russian Federation, Moscow), e-mail: stasy64rus@yandex.ru

The article considers the «image of the other» for rural residents of modern Russia, as part of their value–semantic world. Types of «other» for rural residents (external and internal) are identified depending on the degree of «involvement» in the life of the local community. At the same time, the «external other» can be identified by ethnicity, which is a particularly significant factor in local socio–cultural dynamics, especially in the situation of increasing migration processes. «The image of the other» is formed depending on the place of residence of a person. For a rural resident a citizen is such a «different». The degree of distance with the citizens as «other» depends on the distance of the village from the city center and the capital. The «Internal other» is considered from the age of the position, as well as according to the way of transfer of knowledge and information.

Keywords: Russian village, "the image of another", "inner another", "external other", rural residents.

Обращение к исследованию российского села, как правило, концентрируется вокруг традиционно значимых проблем, не теряющих своей актуальности: агропромышленное производство, уровень жизни населения, демографическая ситуация, миграционные процессы и многое другое. Не умаляя их значимости, отметим важность научных исследований ценностно–смыслового комплекса жителей села, его историко–культурной динамики и влияния на представления об окружающем мире, месте человека в нём и способах коммуникации. В условиях нарастания плотности межкультурных и межличностных взаимодействий (в том числе виртуального характера) одним из актуальных вопросов, требующих рефлексии, становится «образ другого». Отдельный интерес представляет интерпретация данной проблематики в

Полуцыган Анастасия Александровна – аспирант социологического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, адрес: 119234, Россия, Москва, Ленинские горы, МГУ, д. 1, стр. 33, e–mail: stasy64rus@yandex.ru

условиях российского села, которое, с одной стороны, вполне «включено» в общий контекст социокультурной динамики, а с другой – обладает явными особенностями взаимодействия с другими культурными мирами и их представителями. Отдельных специальных исследований «образа другого» для сельского жителя нами не выявлено. Тем не менее, опираясь на различные известные научные подходы, попытаемся обозначить основные реперные точки заявленной темы.

Проблема «другого» наиболее ярко проявляется во взаимодействиях между представителями разных социальных групп, культурных миров, религиозных традиций. В настоящее время происходит актуализация проблематики «другого» в контексте современной российской действительности. Этот процесс обусловлен целом рядом причин и факторов, как внешних, так и внутренних. Прежде всего отметим, что традиционной коннотацией понятия «другой» в отечественной теории и практике социальных коммуникаций являлась политико–идеологическая канва. Согласно ей, весь мир делился на «своих» и «других» («чужих») с точки зрения выражаемой идеологии. При этом «другие» существовали не только вовне, но и находились внутри самого общества. Вследствие чего в российской истории возникали такие явления культуры, как андеграунд и диссидентство.

Существование «другого» подразумевает процессы рефлексии, самоосознания, идентификации, самоидентификации и т.д.[1]. Прежде всего остановимся на некоторых дисциплинарных подходах к анализу «другого». Одним из них, обладающим значительным эвристическим потенциалом, выступает анализ культуры «другого» при самой широкой трактовке самого понятия «культура» как способа жизнедеятельности человека[2].

Культура определяется как «целостный, устойчивый способ жизнедеятельности какого–либо этноса, нации, регионального сообщества, который, складываясь исторически, постепенно обновляется и вместе с тем сохраняет идентичность самому себе в течение столетий, иногда тысячелетий на основе этно–национальных традиций, образцов деятельности, духовных ценностей»[3 4].Этнические или национальные характеристики культуры придают ей уникальность на фоне других культур, сообщают ей историческую прочность, свидетельствуют об устойчивости целого ряда физических, социально–психологических, ментальных особенностей её носителей. Современная культура имеет внутреннюю структуру, строение которой определяется исследователями неоднозначно. Важным для нас вопросом в этом контексте является роль и место сельской культуры в данной структуре. В одном из подходов, разработанным А.Я.Флиером[5 6], среди основных социальных субкультур, объединяющих большие группы людей в соответствии с их ролью и функциями в производстве средств физического и социального существования человека, в поддержании или нарушении социальной организации и регуляции жизни общества, выделяется субкультура сельских производителей (народная этнографическая). По мнению учёного этой субкультуре присущ низкий уровень специализации по отдельным профессиям (крестьяне, как правило, работники–универсалы); низкий уровень индивидуальных социальных притязаний; незначительный разрыв между обыденным и специализированным уровнем культуры. Оценивая взаимосвязь современных субкультур, автор подхода предложил

---

[1] Аванесова Г.А., Купцова И.А. Коды культуры: сущность и назначение // Социально–гуманитарные знания. – 2008. – №1. – С. 30–44

[2] Садохин А.П. Межкультурная коммуникация. – М.: Инфра М, 2004. – С. 288.

[3] Садохин А.П. Межкультурная коммуникация. – М.: Инфра М, 2004. – С.288.

[4] Купцова И.А. Социокультурные механизмы адаптации личности в условиях современной массовой культуры: дисс. кандидата культурол. наук: 24.00.01. – Орел, 2002. – С.18

[5] Соколовский С.В. Образы других в российской науке, политике и праве.– М.: Путь, 2001. – С.235.

[6] Флиер А.Я. Массовая культура и ее социальные функции // Общественные науки и современность. –1998. – №6.

следующие антиномии: народная (крестьянская) – городская (буржуазная); элитарная (социальный порядок) – криминальная (социальный беспорядок).

В целом разделяя представленную научную позицию, отметим, что так называемая культура сельских производителей, сохраняя элементы крестьянского уклада, во многом тяготеет к современным формам сельскохозяйственного производства, что обусловлено процессами современной социокультурной динамики и развитием производства на селе. Приведём обзор итогов Всероссийской переписи населения 2010 года: «За последние 8 лет мы недосчитались 2,3 млн. жителей России. При этом особенно пострадало село: потери сельского населения в три раза больше, чем городского. За межпереписной период (с 2002 по 2010 год) число сельских населённых пунктов уменьшилось на 8,5 тыс. сёл и деревень. Вместе с тем при переписи было зафиксировано 19,4 тыс. населённых пунктов, в которых население фактически не проживало. По сравнению с прошлой переписью число таких населённых пунктов увеличилось на 48%»[1] [2].

Сохраняющийся крестьянский способ производства сельхозпродукции, предопределяющий соответствующий уклад жизни семьи и формирующий во многом ее культуру, больше не является доминирующим, уступив свои позиции крупным сельхозтоваропроизводителям, которые формируют иное социокультурное пространство на селе, выстраивая отличный от прежнего образ жизни и иную цикличность труда и отдыха. Эти изменения определяют в целом жизнедеятельность сельского населения, порождают новые социальные роли и, в конечном счёте, влекут к ценностно–смысловым трансформациям сельского социокультурного пространства, включая отношение к «другим» и характер взаимодействия с ними.

По мнению В.И.Самохваловой: «Пространство «других» предстаёт неисчерпаемым: каждый многообразно взятый есть «другой» по отношению к нам. Осознание мира как мира других – по отношению к условно взятому «я» – ставит целый ряд проблем: возникают новые проблемы, по–новому предстают старые, прежние. В частности, в этой новосложной ситуации перед человеком встает проблема нахождения правильных форм для соотношения, с одной стороны, толерантности, без которой невозможна бесконфликтная социальность, и, с другой, идентификации, без которой человек утрачивает адекватное представление о себе самом в совокупности своих интересов и проявлений»[3].

В этой связи приведём классификацию «других», созданную российским исследователем культуры Е.Н.Шапинской. Прослеживая историю развития исследований культуры «другого», автор выделяет три основных направления: эволюционизм, универсализм, релятивизм[4]. Анализируя образ «другого», учёный выделяет следующие его типы: этнический, гендерный, субкультурный, экзистенциальный, фантазийный, животное как «другой». Для исследования «образа другого» для сельского жителя важным является этнический «другой», а также субкультурный «другой», сущность и характерные черты которых разрабатываются в том числе в рамках теории и практики межкультурных коммуникаций.

Для сельского жителя современной России можно определить целый ряд порядков «чужих» и «других», которые находятся как за пределами сельского социокультурного пространства на разной степени удалённости (от близких, постижимых – до далёких, виртуализированных феноменов). Наиболее яркое проявление дихотомии «свой – чужой» проявляется во взаимодействиях и коммуникациях местных сельских жителей и тех, кто приходит извне.

---

[1] Ковальчук В.К. Качество и стиль жизни в современных российских сёлах: социокультурные аспекты // Образование и право. – 2017. – С.225 – 230.
[2] Исчезающий вид // Российская газета. Федеральный вып.– 2011. – 16 декабря.– № 5660.
[3] Самохвалова В.И. Другой среди других // Полигнозис. – №1–4 (43). – 2012. – С.142.
[4] Шапинская Е.Н. Образ Другого в текстах культуры. – М.: Красанд, 2012. – С. 12.

Важной характеристикой сельского социокультурного пространства в данном случае будет выступать удаленность конкретной сельской местности от центров разного масштаба (районных, областных, краевых, федеральных). Этот фактор напрямую связан с транспортной доступностью локального сельского мира, которая способна, как сократить расстояние до села, так и сделать его трудно преодолимым для потенциального посетителя. Проблема дорог в России традиционно является остро – актуальной. В последние годы, несмотря на определенные положительные процессы, строительство новых дорог, реконструкцию старых, она не теряет своей значимости и в большом количестве сельских поселений остается одной из насущных. С наличием/отсутствием дороги федерального или регионального значения, масштабом транспортного потока, проходящего через или рядом с сельским пространством, напрямую связаны контакты сельских жителей с «другими» и формирование их образа.

«Другие» могут появляться на какой–то непродолжительный период или, наоборот, приезжать на постоянное место жительства. Примером первой ситуации может служить концерт артистов областного театра или филармонии перед жителями села в ходе краткосрочных гастролей. К этому же разряду непродолжительного взаимодействия можно отнести визиты районных, областных руководителей или специалистов, приезжающих в командировки на предприятия агропромышленного комплекса.

Примером первой ситуации может служить концерт артистов областного театра или филармонии перед жителями села в ходе краткосрочных гастролей. К этому же разряду непродолжительного взаимодействия можно отнести визиты районных, областных руководителей или специалистов, приезжающих в командировки на предприятия агропромышленного комплекса. О таких визитах, как правило, знает всё местное сообщество, нередко к ним специально готовятся и после их завершения довольно долго обсуждают. «Другой» выступает в приведенных примерах как представитель иного культурного мира, а также олицетворяет государственную власть или профессиональное сообщество.

В другом случае (например, при расположении сельского поселения на автотрассе), многочисленные «другие» – профессиональные водители и автолюбители – становятся привычной частью местного «пейзажа» и формируют повседневные практики сельских жителей. Они естественным образом ориентируются на обслуживание проезжающих, более активно контактируют с ними, что приводит к формированию определенного образа «другого», проезжающего на авто через посёлок. При такой ситуации «другие» сильно приближаются к миру «своих», включаются в структуру обыденной культуры и не вызывают особого интереса у местного населения.

Отдельную категорию краткосрочно прибывающих на селе «других» составляют туристы, которые посещают сельскую местность, развивающую агротуризм или имеющую на своей территории объекты культурного наследия. Отметим, что стремление горожан выехать за пределы агломераций, приобщиться к сельскому образу жизни, прикоснуться к истории страны, познакомиться с иной для себя повседневной культурой выступает в настоящее время как самостоятельный тренд развития досуговых практик. Учитывая мировой опыт, можно предположить, что сельское локальное социокультурное пространство обладает значительным потенциалом для развития одного из направлений туристической отрасли (агротуризм), что коренным образом меняет характер занятости сельского населения. Но турист–горожанин остаётся для сельских жителей «другим», лишь временно включённым в жизнь сельского сообщества. Интенсивность и сезонность подобных контактов также серьезно зависит от территориальной принадлежности сельского пространства. Очевидно, что туристический трафик в сельской местности сильно отличается в зависимости от удалённости села от центров и транспортной доступности.

Развитие туризма и рекреации в российской глубинке способно повысить жизненный уровень населения посещаемых районов за счет создания новых рабочих мест и инвестиций в развитие местной инфраструктуры. Такая политика приведет к решению не только экономических, но и социально–культурных целей: уменьшению уровня деградации сельских районов, их обезлюживания, сохранение и отчасти воссоздание народных традиций, национальной культурной самобытности регионов. Можно выделить несколько моделей организации бизнеса в сфере агротуризма, которые активно развиваются в мировой практике:

возможность развития бизнеса на базе малого гостиничного хозяйства. Такой вид агротуризма постепенно осваивается в нашей стране. Примером могут служить отдельные фермерские хозяйства и «хутора» предлагающие размещение на базе мини–гостиниц в непосредственной близости от фермерского сельскохозяйственного производства или подворья.

– создание крупных и средних туристических объектов в сельской местности (специализированных частных отелей). Данный вид агротуризма требует значительных капитальных вложений и на нынешней стадии развития туриндустрии его развитие будет затруднено.

– появление агрокультурных парков с возможностью сохранения и популяризации национальных сельскохозяйственных производств, традиций, художественных форм. Как правило, такие центры являются многофункциональными и ведут научную, селекционную, просветительскую работу. Данный вид агротуризма для России также представляется возможным лишь в определенной перспективе.

Таким образом, в настоящее время реальными возможностями развития обладают мини–хозяйства, способные принимать небольшие группы (семьи) туристов. Это могут быть туристические объекты без средств размещения, рассчитанные на несколько часов пребывания. Примером служат программы, предлагаемые туристам на агроферме в с. Медное Тверской области, где создано мини–производство итальянских сыров. В ходе пребывания туристам предлагают дегустацию местного сыра, обед из национальных итальянских блюд и экскурсию к вольерам животных. Подобные программы действуют и в ряде местностей Краснодарского края, где туристы знакомятся с чайным производством или посещают частное пчеловодческое хозяйство. Развитие агротуризма связано с такими социокультурными задачами как сохранение национального и этнокультурного наследия, поддержание природной и историко–культурной среды обитания, архитектурно–исторического пространства, возрождение и пропаганда традиционных ценностей и образа жизни и др. В районах с развитым туристическим потенциалом «другие» становятся привычным явлением, определяя характер, содержание и качество жизни местного сельского населения.

«Другие» могут появляться в сельском социуме надолго или навсегда (например, в ситуации с мигрантами, беженцами, горожанами, решившими переехать в село на постоянное место жительства). С большой долей вероятности можно предположить, что реакция местных жителей в этих разных случаях также будет значительно отличаться. Нередко она варьируется от неприятия и отторжения до органичного включения «другого» в мир сельского сообщество. Это зависит от целого ряда факторов, обстоятельств и тех посылов, которые исходят от прибывающих «других».

Еще одним важнейшим аспектом восприятия «образа другого» выступает этнический признак этого «другого». И здесь возможны, как минимум, два варианта восприятия и, как следствие, взаимодействия и коммуникаций. «Другой» может принадлежать к той же этнической культуре, что и местные жители или быть близок ей. В таком случае, как правило, этнический фактор не актуализируется и находится на заднем плане восприятия и коммуникации. И, напротив, в сельском социуме могут появляться «другие», относящиеся к иному этнокультурному миру. Такое

взаимодействие является наиболее сложным и способно приводить к весьма различным последствиям, нередко порождая проявления этноцентризма[1].

Сложность коммуникаций в случае проявлений признаков этноцентризма обусловлена и тем, что его могут одновременно демонстрировать обе стороны, вступающие во взаимодействие. Российский сельский социум обладает высокой степенью неоднородности по многим признакам, в том числе, этническим. Условно сёла России можно разделить на моноэтничные и полиэтничные, учитывая при этом исторические условия формирования данного признака. Сельские поселения, находящиеся в приграничных территориях, на пересечении крупных магистралей значительно отличаются от сельской глубинки, которая удалена от центров и столиц[2]. Конструирование «образа другого» в этих типах сёл будет заметно отличаться.

Современный исследователь Д.Н. Замятин[3] отмечает, что практически каждая цивилизация формирует образные картины мира, в которых те или иные территории выступают как соответствующие масштабные знаки и символы общих цивилизационных ценностей и образов. «Люди разных цивилизаций по–разному смотрят на отношения между Богом и человеком, индивидом и группой, гражданином и государством, родителями и детьми, мужем и женой, имеют разные представления о соотносительной значимости прав и обязанностей, свободы и принуждения, равенства и иерархии. Они не исчезнут в обозримом будущем. Они более фундаментальны, чем различия между идеологиями и политическими режимами»[4]. К компонентам культуры, имеющим цивилизационную и этнонациональную специфику, относят: традиции, обычаи, обряды; бытовую (или традиционно–бытовую) культуру; повседневное поведение, мимический и пантомимический коды; национальные картины мира; художественную культуру. Коды культуры тесно связаны со стереотипами восприятия, характерными для определенной культуры, а также знако–символьным (семиотическим) пространством данной культуры.

В ряде случаев происходит изменение демографического состава сельского населения за счет мигрантов из бывших союзных республик и дальнего зарубежья. Демографическая ситуация заметно начала меняться уже в 1990–е г.г. С одной стороны, происходила убыль местных жителей из–за падения уровня рождаемости и возрастания уровня смертности; с другой – население прибывало за счет миграционных процессов. Однако мигранты не могут восполнить утраченное население, как в количественном, так и в качественном измерении. Эта тенденция имеет свои разновидности, среди которых выделим две «волны» миграции, прослеживающиеся в сельском социокультурном пространстве постсоветского периода.

Во время первой миграционной «волны» село пополнилось высококвалифицированными русскими специалистами, вынужденными уехать с территорий бывшего СССР. Среди них много представителей творческой интеллигенции, профессорско–преподавательского состава ВУЗов, медиков, инженеров, которые внесли заметное оживление в локальную социокультурную среду. Они стремились адаптироваться к новым условиям проживания в провинции на основе единых с местным населением этно–культурных начал. Таким образом, мигранты «первой волны» выступают как субъекты культурной активности села, придавая ему заметный импульс современного развития.

---

[1] Садохин А.П.Межкультурная коммуникация – М.: Инфра М, 2004. – С. 288.

[2] Купцова И.А. Культура русской провинции: динамика в контексте общественных трансформаций (вторая половина XIX – начало XXI века). – М.: МГГУ им. М.А.Шолохова, 2010 – С. 169.

[3] См.: Замятин Д.Н. Культура и пространство: Моделирование географических образов. М., 2006

[4] Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? // Политические исследования. – 1994. – № 1. – С. 34.

Другая составляющая миграционных потоков, вторая «волна», усиливающаяся с «нулевых» годов нынешнего века – это представители различных национальностей из бывших союзных республик и других стран, стремящиеся сохранить свое культурное своеобразие, переехав на новое место жительства. Зачастую такие мигранты на селе поддерживают свою культурную среду, закрытую для местного населения, привносят новые традиции, свой вариант уклада повседневной жизни, который идет вразрез с культурными устоями локального сообщества. Как правило, они представляют собой низко квалифицированную рабочую силу; живут диаспорами на основе интересов закрытой этнической субкультуры и не стремятся к интеграции в локальное культурное пространство. Наряду с теми, кто выбрал село как постоянное место жительства, часть мигрантов приезжает в российские города на сезонную работу в весенне–летний период, воспринимая их лишь как место заработка средств к существованию.

Современные миграционные процессы порождают полиэтническое взаимодействие культур, иногда приобретающее острые формы и приводящее к конфессиональному разрыву. Возрастает количество сложных проблем и вопросов, связанных с изменениями этно–национального состава населения, взаимодействием представителей ранее неведомых друг для друга культур. Наряду с иным культурным миром, о котором узнают из статей, телепередач или сетевой информации, опосредованной и отдаленной от провинциального жителя, нарастает тип непосредственных контактов представителей различных культур.

В настоящее время также нарастает межкультурное взаимодействие другого типа. На сельские территории нередко устремляются представители иностранных деловых структур, общественных организаций, а также мигранты из дальнего зарубежья, стремящиеся к в первом случае — к развитию своего бизнеса, а во втором – к обретению лучших условий жизни. Их культурный мир до недавнего времени был практически неизвестен сельским жителям и выступает как «другой» относительно их культуры.

Таким образом, одним из типов «образов другого» для сельского жителя выступает этнический «другой», обладающий внутри своеобразной градацией. Она простирается от этнических культур, знакомых и понятных сельским жителям, благодаря уже имеющемуся опыту контактов, совместному историческому прошлому или даже стереотипам, до ранее удалённых культурных миров, с представителями которых селяне встречаются впервые. В спокойной, бесконфликтной обстановке, когда не затрагиваются интересы представителей различных этнических групп, данный признак находится как бы «в тени», выходя на первый план при обострении отношений. Этнический признак нередко используется в качестве манипулятивного инструмента и выступает наиболее опасным фактором коммуникаций в сельском социуме.

Еще одним признаком «другого» для сельского жителя может выступать и само место жительства человека внутри нашей страны. В данном случае выделяем: односельчан (которые воспринимаются как «свои»), сельских жителей других поселений (выступающих близкими и понятными субъектами коммуникации), горожан. В городах–миллионерах бывшие сельские жители и их потомки до третьего поколения составляют немногим более 30% занятого населения, в больших городах – 45%, в средних – 65%, а в малых городах – не менее 90%[1]. При этом горожане также могут быть разделены на несколько групп. К первой группе отнесём тех, кто живет в малых и средних городах, расположенных на небольшом удалении от села. Нередко эти горожане являются выходцами из прилегающих сельских поселений и при коммуникации с ними не возникает каких–либо серьезных затруднений. Вторая группа – это жители крупных городов, чей образ жизни уже не столь понятен и близок сельским жителям. Третью группу будут

[1] Цит.по*:* Владимиров В.В. Диалог с пространством. – Обнинск, 2004. – С. 82.

представлять горожане – жители мегаполисов и, в первую очередь, столицы. В этом случае коммуникации между сельскими жителями и горожанами могут быть осложнены непониманием специфики городской или сельской жизни и, нередко, недостоверной информацией, лежащей в основе представлений о сельской/городской жизни в целом. Так, у горожан, может доминировать представление о селе, как о месте с благоприятными экологическими условиями жизни, где возможна рекреация и соразмерный физиологии человека темпоритм жизни. При этом издержки жизни на селе отходят на второй план или совсем не учитываются (особенности сельскохозяйственного труда и т.д.). У сельского жителя, напротив, город, как правило, предстает как место, дающее возможности получения более высокого материального положения при меньшем количестве затраченных усилий (например, работа в офисе, а не в поле). Очевидно, что образ «другого» – в данном случае образ горожанина – формируется у жителей села на основе ряда факторов. Это и личный опыт, и существующие в сельском социуме предубеждения и влияние средств массовой информации и другие. На наш взгляд горожанин, как «другой», обладает меньшим конфликтогенным потенциалом по сравнению с этническим «другим», хотя оказывает заметное влияние на сельский социум, выступая примером для подражания и образцом современного стандарта жизни.

Если этнический и городской «другие» являются, так сказать, внешними феноменами, приходящими извне сельского социокультурного пространства, то «другие», находящиеся внутри могут также составить отдельную группу, которую мы также рассмотрим.

Прежде всего, закономерным будет выделение внутренних «других» по возрастному признаку. Для детей и молодёжи старшее поколение выступает как представители другого «мира». Они обладают социальным опытом, исторической памятью о событиях, которые известны следующему поколению уже из учебников. Особенно остро это ощущается в российской практике, так как в настоящее время социально активными являются как люди, родившиеся и прошедшие становление в советский период, так и те, кто родился уже в 1990–е годы. Между ними возможно обоюдное непонимание и сложность коммуникаций, основанная на принципиальной несхожести их жизненного опыта. Отдельным феноменом выступают современные дети, получившие ранний и естественный доступ к информационным технологиям (прежде всего сети Интернет). Они развиваются под влиянием виртуальной среды, которая в условиях сельской жизни, представляет собой разительный контраст с окружающей действительностью. Для старшего поколения такие дети являются «другими» по признаку владения компьютерными технологиями, типичному времяпрепровождению и способам общения в социальных сетях. Этот фактор также может вызывать эффект «другого» в сельском социуме и приводить или к взаимному интересу, или к неприятию между представителями разных поколений.

Еще одним аспектом деления на своих и чужих выступает доступность для сельских жителей цифрового мира, цифровых ресурсов, цифрового контента. При общем высоком проценте проникновения интернета в России (оценивается на уровне 70%) наблюдается явная разница в его качестве (скорости, вариантах доступа) у жителей городов и сельского населения. «Цифровое неравенство – это сложное и динамичное явление и в упрощенном смысле оно концептуализируется как форма стратификации, проявляющейся в неравном доступе и использовании Интернета»[1]. Относительно жителей села появляется своеобразный «цифровой другой», которому доступны многочисленные возможности и сервисы, продвигаемые через интернет, скоростной доступ к интернет–ресурсам и прочие возможности виртуального мира.

[1] Дедюлина М.А. Цифровое неравенство: философское осмысление // Studia Humanitatis. – 2017. – № 2. – URL: www.st-hum.ru. (дата обращения 3.11.2017)

Возникает цифровое неравенство, преодоление которого в ближайшее время маловероятно. Оно порождает «других» по признаку включённости в цифровое пространство. Общество делится на тех, кому доступные электронные государственные услуги, медицинское обслуживание, интернет–телевидение и т.д. и тех, кто лишен возможности пользоваться современными информационно–коммуникационными ресурсами.[1]

Отношение к «другому» формируется под воздействием ряда факторов, особая роль среди которых принадлежит массовой культуре. Её средствами транслируется амбивалентная ситуация отношения к «другому»: от враждебности, отторжения и неприятия до присвоения себе черт «другого» и отождествления себя с ним.

По–прежнему, самым массовым средством, служащим развлечением на селе выступает просмотр телепередач и фильмов, которые транслируются по различным каналам телевидения. Нередко телевизор – это единственная связь с «внешним» миром, находящимся за пределами локального сельского пространства. Именно при его просмотре формируется представление о «другом», закрепляется его образ по различным признакам, рассмотренном нами выше. Телевидение создает иллюзию близости, причастности к происходящему на экране, способствует отождествлению зрителя с героями телепередач и фильмов. В создаваемом иллюзорном мире «другие» становятся гораздо ближе, сокращается разрыв.

Подводя предварительные итоги, можно говорить о существовании для сельского жителя «образа другого», который может быть находиться как внутри, так и вовне сельского социума. Коммуникации с «другими» имеют широкий диапазон характеристик: от взаимных симпатий, понимания и принятия, до отторжения и даже конфликтов. Именно поэтому исследование «образа другого» обладает значительной степенью актуальности и имеет дальнейшие перспективы.

Библиография /References:

1. Аванесова Г.А., Купцова И.А. Коды культуры: сущность и назначение // Социально–гуманитарные знания. – 2008. – №1. – С. 30–44.
2. Ковальчук В.К. Качество и стиль жизни в современных российских сёлах: социокультурные аспекты // Образование и право. – 2017. – С. 225 – 230.
3. Купцова И.А. Культура русской провинции: динамика в контексте общественных трансформаций (вторая половина XIX – начало XXI века). – М.: МГГУ им. М.А. Шолохова, 2010. – 169 с.
4. Садохин А.П. Межкультурная коммуникация. – М.: Инфра М, 2004. – 288 с.
5. Самохвалова В.И. Другой среди других // Полигнозис. – 2012. – № 1–4 (43). – С. 140 – 150.
6. Соколовский С.В. Образы других в российской науке, политике и праве.– М.: Путь, 2001. – 235 с.
7. Шапинская Е.Н. Образ Другого в текстах культуры. – М.: Красанд, 2012. – 216 с.

[1] Задача по устранению цифрового неравенства между жителями города и сельского населения была поставлена в Федеральном законе «О связи». 3 февраля 2014 года Президент РФ Владимир Путин подписал документ «О внесении изменений в Федеральный закон «О связи», который предусматривает создание точек доступа в населённых пунктах численностью от 250 до 500 человек и предоставление населению доступа к интернету на скорости не менее 10 Мбит/с. Пока поставленная задача остается нерешенной и стратификация населения на признаку приобщённости к цифровому обществу нарастает.

1. Avanesova, G.A., Kuptsova, I.A. (2008) Kody kul'tury: sushchnost' i naznachenie [Codes of culture: essence and purpose] // Sotsial'no–gumanitarnye znaniia [Social and humanitarian knowledge]. – № 1. – P. 30–44. (In Russ.)

2. Koval'chuk, V.K. (2017) Kachestvo i stil' zhizni v sovremennykh rossiiskikh selakh: sotsiokul'turnye aspekty [Quality and life style in modern Russian villages: sociocultural aspects] // Obrazovanie i pravo [Education and law]. – P. 225 – 230. (In Russ.)

3. Kuptsova, I.A. (2010) Kul'tura russkoi provintsii: dinamika v kontekste obshchestvennykh transformatsii (vtoraia polovina XIX – nachalo XXI veka) [Culture of the Russian province: the dynamics in the context of social transformations (the second half of the XIX – the beginning of the XXI century)]. – M.: MGGU im. M.A. Sholokhova. – 169 p. (In Russ.

4. Sadokhin, A.P. (2004) Mezhkul'turnaia kommunikatsiia [Intercultural communication]. – M.: Infra M. – 288 p. (In Russ.)

5. Samokhvalova, V.I. (2012) Drugoi sredi drugikh [Another among others] // Polignozis. – №1–4 (43). – P. 140 – 150 (In Russ.)

6. Sokolovskii, S.V. (2001) Obrazy drugikh v rossiiskoi nauke, politike i prave [The images of others in Russian science, politics and law]. – M.: Put'. – 235 p. (In Russ.)

7. Shapinskaia, E.N. (2012) Obraz Drugogo v tekstakh kul'tury [The image of the Other in the texts of culture]. – M.: Krasand. – 216 p. (In Russ.)